

Сказочные мотивы в русскоязычном мистическом детективе

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
guseynova@linguanet.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа языкового материала, способствующего вербализации сказочного мотива в современном русскоязычном мистическом детективе. При этом устанавливается наличие ограниченного количества артефактов, формирующих мистическую атмосферу в произведениях детективного жанра, к наиболее частотным из которых следует отнести «кровь», «веретено», «колодец», «медальон» и др. Указанные лексемы могут использоваться по усмотрению автора мистического детектива как для создания жизнеутверждающей атмосферы в тексте, так и для формирования атмосферы страха и неизбежности возмездия за каждый нелицеприятный проступок.

Ключевые слова: сказка, мистический детектив, фантастика, артефакт, жанр, тривиальная литература

Для цитирования: Гусейнова И. А. Сказочные мотивы в русскоязычном мистическом детективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 8 (889). С. 45–51.

Original article

Fairy-Tale Motives in a Russian Mystical Detective

I. A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
guseynova@linguanet.ru

Abstract. The paper attempts to analyze the linguistic material that contributes to the verbalization of the fairy tale motif in the modern Russian-language mystical detective story. At the same time, the presence of a limited number of artifacts is established that form a mystical atmosphere in works of the detective genre, the most common of which are «blood», «vereteno», «колодец», «медальон» and some others. These lexemes can be used at the discretion of the author of a mystical detective story both to create a life-affirming atmosphere in the text, and to create an atmosphere of fear and the inevitability of retribution for every unpleasant offense.

Keywords: fairy tale, mystical detective, fantastic tales, artifact, genre, trivial fiction

For citation: Guseynova I. A. (2024). Fairy-tale motives in a russian mystical detective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(889), 45–51. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Детективная литература выступает в настоящее время объектом изучения многих исследователей, чей научный интерес сосредоточен на описании механизмов привлечения внимания к определенной теме или проблеме, описываемой художественными средствами языка (Груздева, 2023; Кибальник, 2017; Прима, 2016; Ускова, 2016).

Произведения художественной литературы оказывают на читателя эстетическое и воспитательное воздействие. В этой связи перед нами встает вопрос, насколько эстетическое и воспитательное воздействие актуально для жанра *тривиальной* литературы, к которой мы относим и современную массовую литературу, приводя следующие аргументы:

- 1) в роли предлагаемого нами тривия выступают такие жанры, как *сказка – детектив – фантастика*;
- 2) в анализе лингвистических средств мы придерживаемся идеи о сквозном сочленении популярных жанров *сказки – мистического детектива – научной фантастики*, полагая, что корни будущего следует искать в прошлом;
- 3) сказка содержит сакральные элементы и ценностные ориентиры, которые актуальны и в настоящее время. При этом сакральные артефакты носят номадический характер. Кочуя из текста в текст, волшебные предметы выступают обязательным элементом сюжета, вокруг которого разворачиваются события, связанные с главными персонажами.

Мы считаем, что анализ языковых средств следует проводить, придерживаясь тривия, уделяя внимание внутренней логике повествования, набору лексико-грамматических средств, обеспечивающих сочленение прошлого с настоящим и будущим, риторическим средствам, привлекающими внимание читателя, как к сюжету и описываемым событиям, так и к культурно-историческому или даже сакральному наследию.

МИСТИЧЕСКИЙ АРТЕФАКТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ САКРАЛЬНОГО

В настоящей статье мы ставим перед собой задачу исследовать сказочные мотивы, встречающиеся в жанре мистических детективных историй, которые пользуются популярностью среди современных читателей. Отметим также, что данная статья продолжает серию уже проведенных нами исследовательских работ, посвященных феномену отечественных ретродетективов [Гусейнова, 2022; Гусейнова, Косиченко, 2020; Guseinova, Kosichenko, Gorozhanov, 2019; Гусейнова, Косиченко, 2018], которые, в свою очередь, опираются на

«классические» работы исследователей (А. В. Демкин, Н. И. Никитин, Н. М. Рогожин, Э. В. Севортян, Б. А. Серебренников, О. Н. Трубачев и др.) в области источниковедения и лексикографии.

В уже опубликованных наших научных сочинениях мы отмечали «многоликость» детективного жанра. По этой причине, нам представляется важным выделить жанровые признаки мистического детектива, которые позволяют ему сосуществовать рядом с другими его разновидностями. При сохранении всех классических черт детективного жанра мистический детектив обладает своей спецификой. В подавляющем большинстве мистических детективных историй в качестве главного действующего персонажа выступает *лицо, обладающее сверхспособностями – ведьма* или *ведьмак*. В связи с тем, что данные номены обладают негативной коннотацией, нередко для них используются эвфимизмы. Так, например, в мистическом романе Т. Корсаковой «Не буди ведьму» (2018) ведьмак в народе получил прозвище *Сказочник*. Сделано это было по *нескольким весьма утилитарным причинам*. Большинство людей, в том числе обывателей, причисляют себя к прогрессивным представителям своего этносоциума, имеющим образование, жизненный опыт, работающим в престижных организациях. По этой причине, верить в сверхъестественное или предполагать, что кто-то может так сильно отличаться от абсолютного большинства, кажется нелогичным, противоречащим разуму. В подобных случаях человек обращается либо к сакральному, либо к альтернативному видам знания. Если сакральное знание связано преимущественно с религиозными и теологическими представлениями о мире и действующих в нем закономерностях, то альтернативное знание связано с народными верованиями, обычаями и традициями, выработанными на основе длительного практического опыта и многолетних наблюдений за природными явлениями. В обоих случаях речь идет о знании глобального контекста, о владении энциклопедическим знанием и когнитивной способности человека выстраивать логические связи между различными фактами и явлениями окружающего мира.

В отличие от предыдущих исследований нам представляется важным обратить особое научное внимание на *сакральные артефакты*, используемые главными героями. По нашим наблюдениям, ключевую роль в мистических детективах играет ограниченное число *артефактов*, а именно: *кровь, веретено, колодец, медальон* и некоторые другие. Остановимся ниже на упомянутых культурно значимых феноменах, однако определим сначала вопрос, касающийся источника научного описания вышеуказанных предметов. Безусловно, основным

источником для получения первичной верифицируемой информации остаются этимологические словари. Наиболее полным авторитетным является многотомный научный труд М. Фасмера¹. При наличии других не менее весомых изданий мы обращаемся к творческому наследию немецкого ученого в силу следующих обстоятельств:

1) во-первых, вышеупомянутые лексемы возникли давно и по этой причине содержат в себе культурно значимое знание, которое возможно интерпретировать с позиции различных парадигм современного научного знания;

2) во-вторых, в данном словаре представлена детализированная информация на разных языках, что также позволяет предположить значимость указанных выше артефактов для представителей различных лингвокультур;

3) в-третьих, данное издание неоднократно дополнялось и переиздавалось, что также свидетельствует о научной фундированности проведенных исследований, актуальных и в настоящее время.

Кроме того, подчеркнем, что мистическое направление в художественной литературе и в искусстве является весьма неоднозначным. Так, при анализе мистических проявлений в ретродетективе необходимо было привлечение монографических исследований, посвященных астрономии, астрологии, теологии и религиозоведческих работ [Гусейнова, Косиченко, 2018]. Иными словами, попытка научного описания мистических объектов и событий предполагает поиск фундированных трудов, анализа сопутствующей справочной литературы, а также внимательного аналитического прочтения тривиальной литературы. Таким образом, феномен тривиальной литературы является сложным объектом лингвистического исследования и нуждается в разработке методик, позволяющих **вскрыть механизм, поддерживающий номадическое функционирование мистического элемента в современном художественном дискурсе**.

Особый научный интерес для нас представляет тот факт, что в словаре «сохраняются приводимые М. Фасмером толкования более редких, устаревших и областных слов»², хотя словарь М. Фасмера является переводным изданием со многими опущениями, которые сохранены в тексте оригинала. Как отмечает сам ученый, он старался включить «из древнерусского языка слова, представляющие интерес в лингвистическом и культурно-историческом плане»³.

¹URL: <https://gufo.me/dict/vasmer>

Сверка с русскими источниками проведена Л. А. Гиндиным и М. А. Обориной.

³URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-fasmer>

Не менее существенным является топонимический аспект, описываемый в труде ученого, поскольку М. Фасмер был нацелен на поиск лексических связей, возникших в результате взаимодействия разных языков и культур. Профессор В. А. Ларин в предисловии к труду М. Фасмера справедливо отмечает, что при исследовании такого языка как русский язык «недостаточно знания многих языков, необходима широкая осведомленность в его истории и диалектологии, а кроме того, и в истории народа и его этнографии; нужно и непосредственное знакомство с древними памятниками – языковыми источниками не только русского языка, но и его соседей. Наконец, необходимо овладеть огромной научной литературой по славянской лексикологии»⁴. В дополнение к вышесказанному мы также добавим знание славянской мифологии, культурно-исторических артефактов и т. п., поскольку именно отсутствие в ряде случаев культурологической информации и приводит к необходимости внесения многочисленных уточнений отечественными учеными при подготовке переводного издания словаря, в котором должна была, прежде всего, представлена «многогранная культура народа – создателя языка, его многовековая история и его широкие связи (между племенами в древности и международные – в новое время)»⁵.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

В свете вышесказанного актуальное значение приобретают труды А. А. Преображенского (1925–2002), который предпринял попытку учесть в своих научных изысканиях культурно-исторические связи, укоренившиеся в значениях слов. Обратимся для иллюстрации к конкретным примерам. Итак, понятие *ведьма* сопровождается в справочной литературе этимологического характера следующими комментариями:

укр. *відьма* «ведьма; ночная бабочка», *блр.* *вэдзьма*, *чеш.* *vědma*, *польск.* *wiedźma* «ведьма, колдунья». Как и *кашуб.* *wieszcz* «упырь, вампир», связано с *праслав.* **vědě* «я знаю» (вѣдать, ведь), *др.-рус.* *въдь* «колдовство, ведовство, знание» (*Брюкнер, «Slavia», 13, 280; Мi. EW 390 и сл.; Траутман, BSW 338; Младенов 59).*

Ученые не останавливаются на этом описании, и рассматривают далее несколько однокоренных слов, имеющих непосредственное отношение к анализируемой нами лексеме. В поле зрения исследователей попадает не менее знаковое слово, а

⁴Там же.

⁵Там же.

именно *ведун*, которое в ряде культур, как славянских, так и германских, имеет общие корни, что свидетельствует о его распространении на широких географических пространствах и одновременно об общем значении и содержании. Используемый нами словарь дает следующий этимологический комментарий:

ведун – «чародей, колдун», только др.-рус. вѣдунъ (*синонимы*: вѣшунъ, знáхарь; см. Подв.), вѣдь «знание, чары». Ср. вѣдать, а также др.-прус. waidleimai – 1 л. мн. ч. сосл. накл. «чтобы мы колдовали», *waidlotojis «жрец, вайделот»; другая ступень чередования: др.-инд. vidātham «познание; мудрость жрецов», vídyā «чародейство, магия» (Траутман, *Apr. Sprd.* 454 и сл.).

При этом подчеркивается сакральный характер данной лексемы: речь идет об определенной категории людей, владеющих тайным знанием – медицинским (научным) и альтернативным, обладание которым дает возможность представителям этого круга управлять другими членами сообщества, используя их любую зависимость в разных целях, в том числе утилитарных: собственных, личных, корыстных, общественных и др. Именно это обстоятельство придает данному лицу могущество, реализуемое в социуме. Накопленное могущество перерастает в обладание властью и в дальнейшем возникает возможность ее единоличного применения.

Не менее значимым выступает глагол *вѣдать*, который в этимологической литературе представлен следующим образом:

«вѣдаю, укр. відати, др.-рус., ст.-слав. вѣдѣти, словен. védeti, чеш. věděti, слов. vedet', польск. wiedzieć, в.-луж. wjedźeć, н.-луж. wježeś «знать». Отсюда наст. вр. ст.-слав. вѣмь, вѣси, вѣсть / вѣ и т. д., чеш. vím, víš и т. д., далее др.-рус., ст.-слав. вѣдь «я знаю». Чередование гласных представлено в *видеть*. Древний пф. ст.-слав. вѣдѣ с *и-е* окончанием ср. з.-аі, как в лат. vīdī, соответствует греч. οἶδα «я знаю», др.-инд. véda – то же, авест. vaēda, гот. wait «я знаю», арм. gitem – то же. Ср., далее, вѣдѣти с др.-прус. waidimai «мы знаем», лит. véizdmi «я вижу».

Другая ступень гласного представлена в д.-в.-н. wīzzaп «знать», гот. wītan, др.-инд. vidā «знание», vidvān «знающий», авест. vidvā, греч. εἰδώς (Кукерс, *Acta Univ. Dorp.*, 25, 6; Сольмсен, *KZ* 44, 184; Траутман, *BSW* 338; Уленбек, *Aind. Wb.* 286). Согласно Остен-Сакену (IF 33, 231 и сл.), **ѣ** в *вѣдѣти* происходит из прош. вр. Глагол *ведать* трактуется как обладание человеком определенных знаний, которые не доступны другим членам социума. Именно знание выступает тем элементом могущества, которое ставит других людей в зависимое положение от

знающего человека. Безусловно, сегодня этот глагол приобрел другое значение и используется, как правило, его корень (ср. рус. *заведовать* / *заведующий* / *уведомить* и т. п.), получивший значение «управлять» и, по нашему мнению, одновременно «нести ответственность», потому что управление подразумевает не только владение процессами, их знание, но и принятие решений, за которые и налагается ответственность. Таким образом, употребление в детективе слов, содержащих корень *-вед-*, позволяют автору поддерживать на протяжении всего произведения его мистический характер, апеллируя одновременно к фоновым знаниям читателя, способного найти определенные пересечения со сказочными или фантастическими сюжетами, оставаясь при этом в своей национальной культуре и не испытывая затруднений при интерпретации указанных лексем в современной жизни.

Одним из самых популярных артефактов, присутствующих в жанрах детектива, сказки и фантастики, является *веретено*. Приведем данные из справочной литературы, отмечая при этом, что данная лексема сопровождается обширным языковым материалом, призванным прокомментировать не только само происхождение этого слова, но и его значимость в деятельности практики человека, ср.:

укр. веретéно, др.-рус. веретено, ст.-слав. вѣтено ѡтрактоꙋ, болг. вретéно, врьтéно, сербохорв. вретено, словен. vreténo «веретено, гончарный круг», чеш. vřeteno, слов. vreteno, польск. wrzeciono, в.-луж. wrjećeno, н.-луж. rješeno (Торбьёрнссон 2, 99). Из рус. заимств. фин. vārttänä, vārtänä, vārttinä (Миккола, *Berühr.* 96). Родственно др.-инд. vārtanam ср. р. «вращение, катание, хождение взад и вперед», также «прялка», vartulas, «круглый», vartulā «пряслице», vartanī ж. – то же, ср.-в.-н. wirtel «пряслице», кимр. gwerthyd – то же, возм., также лат. urtica «крапива» (от веретенообразной формы листьев) (Уленбек, *Aind. Wb.* 274 и сл.; Торп 398; Вальде 861; Мейе, *Et.* 447). О возможности позднего характера образований в отдельных языках (Шрадер – Неринг 2, 429). Далее связано с «вертеть, вóрот, верста́».

Представленность артефакта в разных лингвокультурах, их сохранность в современных языках свидетельствуют об исторической значимости данного предмета для разных национальных сообществ. Наличие однокоренных слов, а также использование лексемы при наименовании по принципу сходства других явлений или предметов окружающей действительности позволяет рассматривать веретено в качестве устойчивого символа. О его витальности свидетельствуют такие лексемы, отсылающие к предмету, как, например, *ворот* или *крапива*. И если в первом случае связь между

лексемами *веретено* – *ворот* довольно прозрачна, то *веретено* – *крапива* предполагает знание из естественно-научной области, биологии или ботаники, поскольку перенос осуществляется по принципу сходства, которое вряд ли *ведомо* современному обычному человеку, который имеет только начальные знания из указанной отрасли. Из упомянутого факта следует еще один возможный вывод – в результате многолетних наблюдений за крапивой человек создал веретено.

Непременным атрибутом мистического детектива выступает кровь, которая является неотъемлемым элементом обрядов, например, рождения, перерождения, инициации и др. Напомним, что словари предоставляют следующее толкование понятия «кровь», ср.:

род. п. -и, укр. кров, ст.-слав. кръвь аїѣа (Клоц., Супр. и др.), болг. кръв, сербохорв. крв, род. п. крѣви, словен. kŕi, kŕv, род. kŕvi, чеш. krev, род. p. kŕvi, слов. kŕv, др.-польск. kŕy (Брюкнер, AfsI Ph 11, 131; Неринг, AfsI Ph 3, 479 и сл.), польск. krew, род. p. kŕwi, в.-луж. kŕej, род. p. kŕwě, н.-луж. kšew, kšej, полаб. k(a)rój. Праслав. *kŕy, род. p. kŕve; родственно лит. kraĩjas «кровь», др.-прус. krawian; ср.: рус. кровь, др.-инд. kravīṣ, ср.: рус. сырое мясо, авест. xŕū-, вин. ед. xŕūt «кусочек кровавого сырого мяса», греч. κρέας ср.: рус. мясо, лат. сгюг «загустевающая, текущая из раны кровь», ирл. crú, кимр. cŕau «кровь», др.-исл. hrár «сырой, несваренный», д.-в.-н. (h)rō – то же, др.-инд. kŕūras «кровавый», авест. xŕūga- «кровавый, жестокий» (Бернекер 1, 632; Траутман, BSW 142 и сл.; Apr. Sprd. 362; М.-Э. 2, 274 и сл.; Уленбек, Aind. Wb. 67). Рус. кровный, чеш. krevný, польск. krewny = лит. krūvinas «кровавый» (Траутман, KZ 43, 174; Шнехт, KZ 62, 255).

При внимательном прочтении этимологических пояснений становится ясным, что, во-первых, кровь является важным понятием в самых различных лингвокультурах, имеет давнее происхождение, используется в различных ритуалах и обрядах и тесно связано с понятием жизни. Иными словами, кровь символизирует две важные точки для человека – его рождение и уход. Именно по этой причине, упоминание крови заставляет читателя мистического детектива испытывать определенные чувства и эмоцию страха, которые сопровождают любое прикосновение к сакральному. Этому способствует также употребление в разных контекстах устойчивых словосочетаний, например: *стынет кровь в жилах*, *проливать кровь*, *кровь невинного* и др.

Практически в каждой известной нам культуре особую роль в жизни общества играет колодец или как возможный вариант *источник* с пресной водой – ручей или река. О важности понятия

колодца свидетельствуют комментарии и разъяснения в изданиях, содержащих этимологию слова, ср.: «колодец – колодязь», др.-рус. колодязь (Лаврентьевск. летоп.), укр. колодязь, блр. колодзець, ст.-слав. кладъасъ (ср. Euch. Sin.), болг. кладенец, сербохорв. кладенац, словен. kladénas. Преобразовано из др.-герм. (гот.) *kalding- от *kaldiōn (откуда фин. kaltio «источник»), др.-исл. kelda «источник» – к гот. kalds «холодный», с помощью суф. -ец (-ьсь) или под влиянием ц.-слав. студеньць. Ср. шв. местн. н. Källinge от källa, датск. kilde «источник», фин.-шв. Källdinge (Экблом, Mél. Pedersen 417 и сл.; Торбьёрнссон 1, 81; Бернекер 1, 543 и сл.; Френкель, IF 70, 106; Mi. EW 123; Семэлз, FUF 13, 375; Ягич, AfsI Ph 10, 195; Мейе, Ét. 355; Уленбек, AfsI Ph 15, 488; Соболевский, Лекции 82, 145; РФВ 22, 31; Кнутссон, Palat. 64; Стендер-Петерсен 277 и сл.). Неубедительно возведение слова колодязь к колода (Брюкнера: ZfsI Ph 6, 65; AfsI Ph 42, 139, Буги: РФВ 70, 255, Кипарского: 38 и сл.). Брандт (РФВ 22, 138 и сл.) считает исходной совершенно невероятную праформу *xoldēdzь (от холод), преобразованную по колода. Ср.: знач. норв.-датск. verma, vermsl «источник, не замерзающий зимой» (Фальк-Торп 507), а также лит. šaltinis «родник»; šaltas «холодный», цслав. студеньць. Кипарский (ВЯ, 1956, № 5, с. 134) выступил в защиту исконно славянского происхождения слова колодец (от колода). Мы считаем эту этимологию неубедительной ввиду наличия суф. -ēdzь и обилия названий рек с «колодец». Последнее говорит, скорее, о первоначальности значения «источник», а не «колодец с деревянным срубом». Несмотря на различное толкование и возможности разной интерпретации понятия, важным остается тот факт, что колодец играл ключевую роль в жизни этносоциума, выполняя не только функцию источника воды, но и места встреч, обсуждения событий, важных для данной местности. Сочетание утилитарной и социальной функции колодца превращают его в знаковое место. Из истории разных стран известно, что колодец устанавливался на центральной (рыночной) площади, например в городах, а в сельской местности устанавливался так, чтобы все жители имели к нему доступ. В ряде культур с колодцем связаны многие обряды. Так, например, чтобы девушке быть красивой, ей нужно умываться колодезной водой; жених и невеста в момент свадьбы должны были обойти три раза колодец. Однако существует и иное толкование колодца. Нередко в сельской местности можно увидеть колодец на окраине селения. Принято считать, что именно этот колодец символизирует мир мертвых. По упомянутой причине, его стремились обходить стороной и не соприкасаться с ним, чтобы случайно не стать

жертвой сил потустороннего мира. В обоих случаях колодец имеет сакральное значение в культурах разных народов и используется в обрядовых целях. В мистическом детективе именно автор и его авторская позиция определяет использование колодца в качестве источника живительной силы или в качества проводника в иной запретный мир. Иными словами, колодец присутствует как неизменный атрибут мистических обрядов и сопровождает читателя на всем пространстве мистического детектива.

В ряде мистических детективов используется понятие медальона. Справочные издания предлагают следующие комментарии: «через нем. *Medaillon* (XVIII в.; Шульц–Баслер 2, 94) или франц. *médailon* из *ит. medaglione* (Клюге–Гётце 383). Далее *медаль*, впервые – *медáлия*, у Петра I (Смирнов 191). Последнее – через нем. *Medaille* (с XVI в.; Шульц–Баслер 2, 94) или непосредственно из *ит. medaglia*. Напротив, *медаль* – через франц. *médaille* из *ит. Источником* этих слов является *лат. metallum*, *ср.-лат. metallia* «металлическая монета» (Клюге–Гётце 383; Гамильшег, EW 602). Медальон – артефакт, наделенный волшебной силой, способной пробудить воспоминания, погрузить его обладателя в иной (волшебный или запретный) мир, дать возможность узнать историю из прошлого или определить степень родства с владельцем артефакта. Такая функциональная нагруженность медальона позволяет использовать его автором мистического детектива в различных целях, обеспечивая тем самым его витальность на протяжении всего произведения и различных текстов культуры. Безусловно, металл несет и символическую нагрузку: многие ордена и иные знаки отличия имеют металлическую основу. Ордена и медали нужно заслужить, проявив при этом доблесть, мужество, отвагу, смелость и те человеческие качества, которые заключают в себе особую ценность, как для самого человека, так и придают ему вес и служат признанием его заслуг в сообществе. Отметим, что и в современных знаках отличия медальон сохраняет свою ценность, сакральное значение и служит символом, который в разных лингвокультурах рассматривается как особое достижение, достойное уважения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на тот факт, что в рамках данной статьи мы ограничиваемся иллюстративными примерами, номадический характер эмпирического материала и представленность в мистическом детективе, позволяет заключить, что их употребление является повсеместным. В других жанрах, например, в жанре фэнтези или в современных сказках, в фантастической литературе указанные и проанализированные артефакты широко используются отечественными и зарубежными авторами для придания произведениям мистического характера, независимо от жанровой принадлежности каждого конкретного произведения. Использование в качестве ключевых слов определенных артефактов дает возможность сохранить преемственность между тривиальной литературой прошлого и современной массовой литературой, выстраивая одновременно определенную последовательность жанров. Такой подход позволяет разрабатывать мистические сценарии, пригодные к реализации в разных видах пространства и разных видах дискурса – кинематографическом, театральном, телевизионном и др. Анализ ключевых понятий, формирующих современный отечественный мистический детектив, свидетельствует о том, что все они носят сакральный характер, демонстрирующий обладание знанием. Именно знаниевый компонент формирует условия для приобретения власти и дальнейшего управления социумом. Употребление определенных артефактов служит их одновременному использованию в разных лингвокультурах, в разных текстах и различных типах среды, что способствует выстраиванию преемственности между разными художественными жанрами и поддерживает их сохранность в современной тривиальной литературе. Опора на тривиаль, включающий в себя элементы жанров *сказки* – *детектива* – *фантастики*, вербализуемые при помощи ограниченного числа артефактов, обеспечивает устойчивое существование сакрального знания и собственно знаниевого компонента, который служит рационалистическому объяснению мистических событий в современной тривиальной литературе при помощи разнообразного репертуара лексико-грамматических и стилистических средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусейнова И. А. Компонент ретро в современных российских и немецких детективах // Универсальное и национальное в языковой картине мира : материалы V Международной научной конференции, Минск, 21–23 октября 2022 года. Минск: МГЛУ, 2022. С. 8–11. EDN LVBWRU.

2. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Ретродетектив: проблема жанрообразования и трансляции культурного знания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 195–205. EDN GEEBET.
3. Guseynova I. A., Kosichenko E. F., Gorozhanov A. I. Urban Semiotics in Retro-Detective Prose: a Tour of the 19th Century Moscow // The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment (ISMGE 2019) : Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE 2019), Volgograd, 23–29 мая 2019 года. Vol. 331. Volgograd: Atlantis Press, 2019. P. 226–231. EDN CZCZKO.
4. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Жанры, меняющие мир и нас : Тривиальный дискурс. Ретродетектив. М.: МГЛУ, 2018. EDN YSKQGD.

REFERENCES

1. Guseynova, I. A. (2022). Komponent retro v sovremennykh rossiiskikh i nemetskikh detektivakh = The retro component in contemporary Russian and German detective prose. Universal and national in the linguistic picture of the world: proceedings of the V International scientific conference. Minsk, 21–23 Oct. 2022, 8–11. EDN LVBWRU. (In Russ.)
2. Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F. (2020). Retrodetektiv: problema zhanroobrazovaniya i translyatsii kul'turnogo znaniya = Retro detective prose: genre formation and transmitting cultural knowledge. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(831), 195–205. EDN GEEBET. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F., Gorozhanov, A. I. (2019). Urban Semiotics in Retro-Detective Prose: a Tour of the 19th Century Moscow. In The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment (ISMGE 2019) (vol. 331, pp. 226–231) : Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE 2019), Volgograd, 23–29 May 2019. Volgograd: Atlantis Press. EDN CZCZKO.
4. Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F. (2018). Zhanry, menyayushchie mir i nas : Trivial'nyi diskurs. Retrodetektiv = Genres that change the world and us: Trivial discourse. Retro detective. Moscow: MSLU. EDN YSKQGD. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнова Иннара Алиевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры немецкого языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guseynova Innara Aliyevna

Doctor of Philology, Associate Professor
Professor in the Department of German Language and Translation
Faculty for Translation
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.05.2024
01.06.2024
14.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication